

Долганов Владислав

Бес

Долганов Владислав

Бес

«Автор»

2026

Владислав Д. В.

Бес / Д. В. Владислав — «Автор», 2026

Молодой, провинциальный поэт Владимир Бесчастный прибывает в столицу, в связи с переводом по службе. Высший свет, карьера, и интриги — всё это ожидает молодого автора на его пути.

© Владислав Д. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Долганов Владислав

Бес

I

— Как, как фамилия этого молодого человека ? — выслушав стих спросила Анна Григорьевна. Женщина лет семидесяти, полновата, всегда пытается сделать голос «пониже», излишний раз подчеркивая свою давнюю, почти детскую страсть к опере.

— Бесчастный. Поэт. Буквально вчера прибыл в столицу по долгу службы, в Коллегию иностранных дел. — ответил Данила Андреевич, офицер, низкого роста и слегка прихрамывающий на левую ногу.

Пусть война и кончилась уж как двадцать лет тому назад, давно прошелся Русский Император по Парижу, но Данила Андреевич потерявший на ней родного брата, так и не оправился. Давно зажили все раны, забыто многое – но сражение под Малоярославцем ему всё также снится. Каждый раз прогуливаясь по имению, он видит разрушенный город, окровавленного брата и даже в тишине июньского вечера слышится ему далёкий гул артиллерии и грохот конницы.

Хромота его, скорее, из страха, либо же под стать имиджу – как шептались в свете, а как напьется – так мазурку пляшет на обеих, чем молодых юношей ставит в положение неудобное перед дамами.

— Стихи красивые, бесспорно. Но вот такт теряется в конце, всё-таки ему бы постараться получше-с. — добавил молодой человек в коричневом сюртуке, закинув голову вверх на «-с», чтобы придать своим словам более важные ноты.

Михаил Иванович Крючков, сын чиновника Ивана Петровича Крюčkова, служит в Министерстве внутреннего просвещения, по связям и просьбам отца. Иногда и сам балуется поэзией, но дело любое ему быстро наскучивает. А служба – более для жалования, чтоб отцу жилось спокойнее, ибо сын при деле. Правда, своим визитом он честь оказывал там раз в месяц, дабы отца не злить, да и мыслям своим ход дать, пока кучер до службы везет. Глядишь, откроет альбом и пишет, пишет. Потом, задумчиво посмотрев в окно, зачеркнет и снова.

— Бесчастный. Владимир – так офицер же он! Точно, точно помнится по воле службы своей очутился с доченькой своей, Катериной – на Дону – так она вечером говорит – парень, молодой, стихи пишет. И для ее альбомчика добавил!

— Нет, ну что вы. Мне сам Семён Фёдорович рассказывал, что с детства они знакомы. С младенчества прям, имении их по соседству располагались. Часто верхом ездили, да за дамами ухаживали. Потом судьба развела.

В имении Данилы Андреевича поднялся шум. Уж год как слышится то тут, то там фамилия одного человека — Бесчастный. Знает свет, что стихи пишет, а как сам выглядит и кто таков будет – не знают. В столице таковых не слыхали, да и Москва таковых не знает. Известно то лишь, что кто-нибудь, да стишок его прочтет. А откуда стихи-то берутся? Как по памяти Анны Григорьевны, если забыть на мгновение про возраст её, так ей Семён Фёдорович Ткачев и прочитал один как-то раз.

— Друг мой, давнишний пишет. Смотрите, Анна Григорьевна – как вам? Талант же? – хвалил тогда Семён Фёдорович.

Анна Григорьевна словами поэта поражена была. У ней самой был ухажер, который ей и оды писал, да и даже свататься ходил. Хоть и сама не из бедной семьи, да и он ей вровень был. Красив, высок с золотыми кудрями по плечо. Но одно её поэта сгубило – дуэль. Жил он по

честь, да по достоинству своему. И коль честь оскорблена была – так и отстоять требовалось незамедлительно.

И каждый раз, уж простителен возраст Анны Григорьевны, история про гибель разная – то ли за неё перед пьяным гусаром заступился, то ли за себя шутника хотел проучить. Он даже стрелять толком не умел, девятнадцать лет от роду как. Но вызов его тогда приняли.

И Анна Григорьевна долго плакала, умирал он еще дней пять как. Весь бледный, трясется, одно дело – горячка бьет. Твердит всё, твердит, что любит, да и жить сможет, коль любовь её спасёт. Любовь, к сожалению не спасла.

И имение то давно разорилось, да могила заросла и всеми забыта стала. Только хранит Анна Григорьевна последний стишок от него, за день до дуэли ей подарил:

*Вы не печальтесь ни о чём,
Я птичкой прилечу до вас,
И буду рядом каждым днём,
Я буду рядом каждый час.*

Разговоры не утихали. Быть может, и нет никакого Бесчастного? Псевдоним Семёна Фёдоровича, стесняется стихов своих – да вот и пишет под чужим именем. А может и Пушкин так развлекается? Дескать, стихи есть которые не нравятся и чтоб честь не срамить – выдумал какого-то Бесчастного.

— Данила Андреевич, а вы разве Семёна Фёдоровича не приглашали? То час поздний уже, а его всё нет. – озадачиво спросила Анна Григорьевна.

— Одно дело – приглашал, приглашал, голубушка. Быть может, захворал? — Данила Андреевич подошёл к окну и отодвинув штору внимательно всмотрелся в ночной пейзаж своего имения — А вот же и сам! Лёгко напомниме! А кто с ним таков?

Двери зала распахнулись и вошёл сам Семён Фёдорович. В черном фраке, в шляпе, которую быстро снял и отдал лакею. Осмотрев публику своими голубыми глазами, улыбнувшись, перевёл внимание на своего спутника. Парень молодой, лет двадцати – двадцати одного, в черном сюртуке, темноволосый. Худошав, а лицо будто бы само слово «усталость». Одет не бедно, но и не сказать, что одежду ему под заказ сшили. Лицо явно не знакомое, не здешнее. Лёгкий загар одно говорил – точно с юга. Кто ж он – офицер ли, ссыльный или старый друг Семёна Фёдоровича. А не тот ли это друг...

— Данила Андреевич, прошу простить, что в столь поздний час явились. Никак не мог убедить своего приятеля посетить ваше чудное имение. Всеми силами твердил ему о том, что общество тут приятное, да и надо же молодому дарованию представить себя в высшем свете.

— Ничего, голубчик, располагайтесь! Мы вашему явлению всегда рады, хоть днём, хоть ночью. Приятель ваш, дарование говорите, так может и представите нам его? – усмехнулся Данила Андреевич.

— Представлю, как же быть. Да только вот имя его вам и так известно, не его ли стихи вам лично приглянулись?

— Бесчастный?

— Стало быть он самый. Приятель мой, по долгу службы, оказался здесь, в столице. Провинция поэтам не к лицу, поэтому прошу, господа!

Толпа удивленно смотрела на молодого человека. Анна Григорьевна, держа левой рукой лорнет, а правой бокал игристого всё пыталась выделить в молодом человеке что-то. Что-то цепляющее, что могло бы резко выделить его из толпы. Но к её сожалению, каких-либо резких отличительных черт выделить не удалось. Она знала как минимум трёх черноволосых мужчин, и различить их по всем трём одинаковым приметам для неё было бы слишком трудно.

Анна Григорьевна давно запоминала людей лишь по особым приметам и в своей голове придумывала для них прозвища. Данила Андреевич был «рыжик», Михаил Иванович – «кудри», Семён Фёдорович – «глазками» (ей до безумия понравились его голубые глаза, напоминавшие ей о погибшем возлюбленном).

Анна Григорьевна стала всматриваться лучше, щурясь, она всё искала в нём что-то.

«Взгляд его пуст. Смотрит не на нас, а будто и сквозь. Явно здесь находится желания не имеет. Во всём чёрном одет, ни единой краски. Бес ли его попутал? Бесчастный он, всё верно фамилия о нём говорит. Значит, будет бесом» — Анна Григорьевна с облегчением убрала лорнет и теперь молодой человек превратился для нее в размытое пятно (что обычно можно найти на старых, пыльных окнах). Лишь черный наряд выдавал в нём одного — теперь уже «беса».

«Не грешно ли?» — промелькнуло на миг в её голове. Но спустя мгновение, и допив бокал – быстро забыла о вопросе посланном самой себе.

Владимир чувствовал себя не слишком почтимо. Толпа смотрела не на человека, а на новый экспонат в Кунсткамере. Жадно разглядывала, стоило рот лишь раскрыть – чтобы и зубы все разглядеть смогли, да и панталоны снять – чтобы посрамнее было.

«Ну, Семён Фёдорович – вам спасибо!» — прокручивал в своей голове Владимир. Ему и до этого приходилось выступать, читать стихи для казаков, для дам – но чтобы так, привести на показ, дабы сам высший свет столицы одобрил – чувствовалась в этом всё большая фальш. Искусство – для всех ли оно или для тех, кто его одобрит. А если не одобрит – то и неправильно такое искусство выходит?

«Сейчас попросят стихи. Отказаться ли? А зачем ехал тогда? Выбрать стоит, только, наверное, какой для них? Который для Е... или который для А... Быть может про грозу прочесть им? Только большие читать не буду, то забуду ещё, а там гляди и точно – позор. Ну, Семён Фёдорович – вам спасибо! Приятель мой и верно мне счастья желает, только вот с чего решить, что стихи мои – стоят чего? Интересен ли поэт сам, или слова его? На кой я им сдался, провинциал, так ещё являюсь гостем незванным...»

— Что же, Владимир... — начал говорить Данила Андреевич, специально делая паузу более протяжной, чтобы гостю удалось озвучить своё отчество.

– Евгеньевич.

– Прекрасно, Владимир Евгеньевич, мы гадаем тут все, кто есть таков Бесчастный – а вы и к нам в гости заглядываете! Большая честь, большая честь! И правда талант огромный, а как пишете... За душу берёт, если честно – тут вам без лести скажу... И коль такая честь, в такой вечер, быть может вы нам прочтете?

— Грех будет мой, коль я такой прекрасной публике откажу. Прочту, прочту! — сказал Владимир, а в голове всё пытался перебрать, что же ему прочесть такого — Что же. «Гремит Отчизна».

Держава дышит, мы её храним...

<...>

Последним именем Данилы Андреевича Юсупова уезжал Михаил Иванович Крючков. Изрядно выпив, отказавшись от почевален – он изволил ехать домой. Буркнув кучеру, как послышалось самому извозчику – «Вези!» — он умчался в ночь. Оглядев имение, Юсупов вздохнул и посмотрел в след. В этом цокоте копыт на деле ему слышались протяжные крики и грохот пушек. Он поднялся в покои, сел за стол и достал лист.

После смерти супруги своей, Данила Андреевич бывало письмо ей писал. Думалось ему, что не покинула его – это он на деле уехал куда-то, а вот-вот и вернётся скоро.

Дочь его давно замуж вышла и в родное имение лет пять как не возвращалась. Так и жил он один, лишь ключница и слуга ему верными собеседниками остались. Однако, даже от них письма свои прятал он.

Дорогая Наташенька! Пишу вновь и простить прошу меня, что задерживаюсь. Ты бы знала, как сильно хочу увидеть тебя, посмотреть в твои глаза, да и раствориться, как юнец в чувствах своих. Скоро свидимся, Наташенька, скоро свидимся!

Проводили сегодня вновь вечер, Бесчастный выступил. Довела же судьба свидеться с этим пиитом. Правда стихи его проникновенные, читает хорошо, душу до самых кончиков тронуть способны. Меня он вернул туда – в Малоярославец. И страх накинудся и нога разболелась так, что упасть хотел. А самому ему откуда ведать что там? Не был же, но пишет как... Видать, рассказал ему кто или бес попутал. Но впечатление сложилось соответствующее. Коль писал бы лишь об этом, так и духу не было бы его в имении моем. Но ведь читали же другие, знаем.

Благо Семён Фёдорович вовремя приятеля своего отдернул. Потом читал стихи любовные. Однако, была б дочурка наша с нами – за такого бы не выдал! Чёрт знает, что в кармане у него, да за душой стоит.

Анне Григорьевне правда понравился, видать, напомнил об её поэте. Но чувствуется мне выживает она из ума.

А я в творческих делах не силен, Наташенька, стишка послать не смогу тебе. Правда в каждой буквке своей оставить любви пытаюсь. Жду ответ, как можно скорее! Видать, вновь на станции задерживают. А лучшие приеду как, то и расскажешь всё! Обязательно расскажешь!

В одном прав был Данила Андреевич – совсем скоро и в прям был рядом с Натальей Алексеевной. Лежали рядом, под старым дубом в имении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.